

Леонид Кесельман: человек и явление К 75-летию со дня рождения

Борис Докторов

19 февраля исполнится 75 лет со дня рождения Леонида Евсеевича Кесельмана (19 февраля 1944 — 29 июля 2013), неистового социолога и человека непростой судьбы. Его нет с нами более пяти лет, но, уверен, он не забыт, скорее становится легендой. Уверен, знавшие Кесельмана, вспоминают на лекциях и за дружеским столом встречи с ним, забавные истории. Кто-то, наоборот, помнит жесткие споры с ним о политике и социологии. Одно можно сказать — он не был равнодушным, пассивным, безразличным к своему делу и к происходившему в стране после 1985 года. Я никогда не видел его маму, но помню доброту его глаз, когда он рассказывал о ней. Сказанного достаточно, чтобы с теплотой говорить о нем.

В последние годы жизни Лёня (никак не могу написать — Леонид) много и тяжело болел, возвращался к жизни после нескольких клинических смертей, но всегда сохранял оптимизм. С 2004 года он с семьей жил в немецком городе Аахене, в 4-5 км от границ с Бельгией и Нидерландами, но был глубоко погружен в российские дела. Часто приезжал в Петербург; выступал на семинарах, публиковался, старался участвовать в полевых исследованиях.

В конце декабря 2004 года началось мое биографическое интервью с Кесельманом, которое осенью следующего года было опубликовано под заголовком «... Случайно у меня оказался блокнот в «клеточку»» в журнале «Телескоп» [1]. В какой-то момент текст нашей беседы разросся, и его пришлось сократить. Потому в опубликованном варианте интервью нет реакции Леонида на мой шуточный вопрос (к тому времени он жил в Германии менее года) о том, не стал ли он немцем.

Вот его ответ (18 августа 2005 г.): *«И, похоже, никогда им не стану. У меня просто нет необходимости (Бог милował), тем более, желая сколько-нибудь глубоко вписываться в систему местных норм и ценностей. В принципе, я почти не слежу за местными событиями, не читаю местных газет, не смотрю передач местного ТВ, и за исключением ритуальных «гутен морген» почти не общаюсь с местным населением. Можно сказать, что здесь, в Германии я скорее присутствую в местном физическом ландшафте, а собственно живу по-прежнему в Питере, в его социальном пространстве. Причем живу вполне реально и действительно. Во-первых, постоянно слежу за происходящими в городе и стране событиями, и для многих физически присутствующих в России и Питере нередко являюсь источником информации об этих «событиях». Кстати, попадая в Питер, я сразу выключаюсь из этого информационного потока, непосредственное присутствие в городе в сочетании со специфическими особенностями отечественных СМИ отнюдь не компенсируют пока еще не доступной мне в России «выделенной линии» интернета. К тому же, живя в Аахене, со многими своими питерскими друзьями и коллегами, я, как мне кажется, общаюсь заметно активней, нежели находясь на территории Васильевского острова. Да что я тебе рассказываю! Ты и сам это прекрасно знаешь, по своему собственному опыту. И этот наш опыт далек от уникальности. Более того, нетрудно понять, что подобная свобода от физического пространства и его обстоятельств в сочетании с все более глубоким «избирательным» погружением в какие-то участки собственно социального пространства стало (или становится) повседневностью для быстро расширяющегося круга людей». Подобное изменение ТСВ (технологий социального взаимодействия)».*

Я знал Лёню с начала 1970-х, мы были друзьями, и я часто думаю о нем, о его работе...

Лёня явно был не как все, и уж точно — не как многие... он десятилетиями проработал в академической социологии, но его сознание не могло, не хотело ограничиться лишь познанием окружающего социума, он все время пытался сделать мир таким, каким он виделся ему... Он болезненно чувствовал сопротивление среды, но не хотел этого принять... его человеческий и социальный темперамент протестовали против покоя, «он с детства угол рисовал...». Вот его слова, сказанные в начале 2000-х о себе 25-летнем: «... отвергая довлеющую над нами реальность, я пытался понять, как и каким образом эта реальность может быть преобразована в более «правильную» и «справедливую» [1, с. 10]. Таким он оставался до конца жизни...

С уверенностью могу разделить жизнь Кесельмана на три этапа: до перестройки, годы перестройки и постперестроечный период. Можно и иначе: «поздний шестидесятник», «пророк перестройки», «человек, оставшийся в конце 80-х — начале 90-х». В годы перестройки я говорил: «Кесельман это не человек, это социальное явление».

Приведу его рассказ о том, как в 1989 году к нему пришла идея уличного опроса.

«Можно сказать, что вначале возникла не столько идея, сколько сама практика такого опроса. Случилось это, можно сказать, на стыке осознания актуальной потребности в информации об отношении избирателей одного из Ленинградских округов к первым в советской истории альтернативным выборам 1989 года и полного отсутствия обычных при решении подобной задачи ресурсов. Пасмурным февральским днем, мучаясь сомнениями по поводу эффективности предвыборных собраний, которые проводил 28-летний Юрий Болдырев (противостоявший первому секретарю Ленинградского горкома КПСС А. Герасимову) в красных уголках, вмещавших не более полусотни избирателей почти полумиллионного избирательного округа я, преодолев некоторое внутреннее сопротивление, обратился к стоящему в конце пивной очереди мужику с вопросом: «Вы уже приняли решение, как будете голосовать на предстоящих выборах?». Он не послал меня по-дальше, а ответил по существу, и вскоре я обнаружил, что, пользуясь нехитрыми приемами, можно в считанные минуты получить достаточно надежную и к тому же дифференцированную статистику мнений большого количества людей. У меня случайно оказался с собой блокнот «в клеточку» в полуvinу формата А-4. Разделив одну из его страниц на десять колонок, я получил «пустографку» для записи кодов получаемой информации. Данные о каждом из опрошенных состояли

из четырех позиций. Первая — основная позиция содержала варианты ответов конкретного человека (респондента). Поскольку в выборах участвовало только два кандидата, то полный «веер ответов» состоял всего из шести вариантов, «закрывающих» практически все возможные ситуации. Это мог быть либо один кандидат; либо — другой; респондент мог колебаться в выборе между кандидатами, мог не знать о предстоящих выборах, мог знать о выборах, но не хотел в них участвовать, и, наконец, нельзя было исключить, что человек не захочет рассказывать о принятом решении. Пол и принадлежность к четырем возрастным группам (до 30 лет, между 30 и 45, от 45 до 60, старше 60 лет) определял «на глаз» <...>. Опросив за два часа примерно 100 человек, я уже в метро по дороге домой подсчитал общее распределение ответов. Насколько я помню, пять человек ничего не знали о предстоящих выборах; примерно столько же было не желавших участвовать в них (до этого времени участие в выборах было не столько правом, сколько «почетной обязанностью» гражданина СССР). За кандидата от КПСС предполагали голосовать 13 человек, а за его, как тогда казалось, никому не известно оппонента — 57. Человек 12 не определились с выбором, а остальные — не захотели рассказывать о своем выборе. В ходе этого импровизированного опроса я почувствовал, что симпатии моих собеседников к Юрию Болдыреву заметно превышали мои ожидания. Такое свидетельство его популярности не могло не радовать. Ведь и начинал я опрос, видя какую информационную блокаду ему устроила команда кандидата власти. Мало кто верил в возможность победы над первым секретарем горкома партии. Возможно, в этих наблюдениях случилось какое-то аномальное смещение, вызванное относительно небольшим объемом выборки, — подумал я и решил, что полученный результат нуждается в проверке. Вернувшись в округ, я опросил до вечера еще двести человек. С последними из них общался уже при падающем из витрин магазинов свете. Распределение позиций, полученное на общей выборке в триста единиц, практически не отличалось от того, которое было получено на первых ста. Именно эта устойчивость данных, а не относительная «простота» их получения стала для меня главным аргументом в пользу «научной обоснованности» обнаруженного метода. Впрочем, в тот вечер у меня не было уверенности в том, что полученный результат и впрямь может претендовать на столь высокие критерии. Я понимал, что вся эта самостоятельность нуждалась в серьезной проверке [1, с. 14-15].

Этот вечер не просто стал началом широкого и эффективного использования метода уличного опроса населения в Ленинграде и ряде городов страны, он круто изменил жизнь Леонида Кесельмана. Уличные опросы в их разных версиях использовались в Америке и странах Европы до войны и в 50-х годах, но все это проходило буднично, обыденно, их результаты не становились «информационной бомбой», социальным явлением. В случае опросов Кесельмана они стали одним из центров социально-политической и культурной жизни Ленинграда.

Удивительно, до чего близки в своей канве рассказ Кесельмана об открытии уличного опроса и известная новелла Стефана Цвейга «Гений одной ночи» из серии «Звездные часы человечества». Она — о создании скромным капитаном французской Национальной гвардии Руже де Лилем «Походной песни Рейнской армии», ставшей через несколько месяцев песней Марсельского добровольческого батальона и получившей название «Марсельезы». Позже она была выбрана Конвентом Франции национальным гимном страны.

У Кесельмана: 1989 год, выборы в Горбачевский Верховный Совет — первые в советской истории альтернативные выборы, столкновение нового, перестроечного и старого, коммунистического кандидата в депутаты — функционера КПСС и независимого молодого политика, пасмурный февральский день, очередь в пивной ларек, непроизвольно вырвавшийся вопрос к

мужчине из очереди: «Вы уже приняли решение, как будете голосовать на предстоящих выборах?». Случайно оказался с собой блокнот «в клеточку», уже в метро по дороге домой подсчитал общее распределение ответов, решил, что полученный результат нуждался в проверке, вернувшись в округ, опросил до вечера еще двести человек, с последними из них общался уже при падающем из витрин магазинов свете.

У Цвейга: Франция. 1792 год, пограничный с Германией город Страсбург, предвоенная и предреволюционная обстановка в стране, «Жирондисты, желая удержать в своих руках власть, рвутся к войне; якобинцы с Робеспьером, стремясь стать у власти, борются за мир. Напряжение с каждым днем возрастает; вот-вот «возобновится тысячелетняя борьба Германии с Францией, на сей раз во имя новой свободы, с одной стороны; и во имя сохранения старого порядка — с другой»; «охвативший [всех] энтузиазм; в кафе, в клубах произносятся зажигательные речи и раздаются прокламации: «К оружию, граждане! Вперед, сыны отчизны!»; мэр города барон Фридрих Дитрих «спрашивает капитана Руже <...> не воспользуется ли он патриотическим подъемом, чтобы сочинить походную песню для Рейнской армии, которая завтра уходит сражаться с врагом»; «Глубокая ночь. [Капитан Руже] берет перо и почти бессознательно записывает первые две строки; это лишь отзвук, эхо, повторение слышанных им воззваний: «Вперед, сыны отчизны милой!»». «Он перечитывает и сам удивляется: как раз то, что нужно. Начало есть. Теперь подобрать бы подходящий ритм, мелодию». «Руже вынимает из шкафа скрипку и проводит смычком по струнам. И — о чудо! — с первых же тактов ему удается найти мотив. Он снова хватается за перо и пишет, увлекаемый все дальше какой-то внезапно овладевшей им неведомой силой».

Общее — Кесельман и Руже под воздействием массы обстоятельств в течении одного вечера сделали неожиданное для себя и оказавшееся остро востребованным временем. Их посещение озарение.

Ну а дальше все было кардинально различным. Руже не понимал, что он сделал и изменил тем идеалам свободы, которые через Марсельезу проникли в сердца французов и революционно настроенных людей во многих странах. Кесельман поверил себе и своему методу зондирования установок. Общество бурлило, думало, обсуждало, хотело знать, что думают другие, активно обсуждало все на службе, дома, на улицах. Ответив на вопросы интервьюера-волонтера, люди часто говорили, что тоже хотели бы поработать «на Кесельмана», узнавали телефон, звонили и приходили на тренинг. Видел я толкучку перед дверьми, наблюдал общение Лени с новобранцами.

Так что «уличный опрос» оказался именно тем, что людям было нужно и понятно. Конечно, они не знали, кто такой Кесельман, но вскоре он стал известен. Не обладая никакими ресурсами, не имея ни научных степеней, ни званий, ни возглавляя ничего, он для многих — не только для людей с улицы, но и профессионалов — стал символом новой, освобождающейся социологии. Утром в свежих газетах можно было прочесть итоги опроса Кесельмана, проведенного накануне, днем — услышать его голос по радио, а вечером — увидеть на экранах телевизоров «живого» Кесельмана. Он стал узнаваемым. Его материалы публиковались в «самых» перестроечных изданиях — «Московских новостях» и «Огоньке». Его работу поддерживали Т.И. Заславская, Ю.А. Левада и, конечно же, В.А. Ядов. Молодые исследователи общественного мнения приезжали в Ленинград осваивать методологию и технику опроса Кесельмана. Он делился щедро, но не мог же он передать им свое горение.

На момент создания уличного опроса Кесельману было 45, за плечами — непростая жизнь, ухабистое движение к профессии, поиски и отстаивание себя. Затем — несколько вулканических лет горения, встреч, споров, регулярные опросы и интерпретация полученного. Нередко его торопили, чаще — он подгонял. Работа на износ, но и великая радость. Мне кажется, он не осознал природу ГКЧП, не поверил в свертывание перест-

ройки. Инерция движения была огромной, он искал новые теоретические конструкции и анализировал ростки новой жизни. Но куража уже не было, его и не могло быть... ушло его время. Вскоре не стало и его.

Иногда вспоминаю Леню и потому, что он — первый в моем уже продолжительном и активном электронном общении с Россией, с коллегами. На момент переезда в США лишь он — в моем близком окружении — пользовался электронной почтой, я помню, как он накарябал на обрывке бумаги свой электронный адрес. Хранил этот листок, и вот настал момент, когда я написал свое первое электронное письмо, русской клавиатуры у меня не было, писал латиницей. Был поздний вечер, в Петербурге уже было утро, и вдруг через пару минут я получил от Лени ответ. То был шок, нечто неправдоподобное; оказывается, все так рядом, так близко.

Благодаря Лени, возникла в 2006 году и оформилась моя многолетняя переписка с нашим общим другом — Андреем Алексеевым. У Алексеева тогда не было электронной почты, Кесельман построил «мост». Я отправлял ему мое письмо для Алексеева, Леня пересылал его сотруднице Алексеева — Алле Романовой, она распечатывала или читала по телефону текст Андрею. По этой же цепочке я получал письма от него. Сказанное объясняет, почему наша книга «В поисках адресата» [2] посвящена ей.

Он нередко звонил мне в Америку из Германии, мы о многом говорили, иногда наши точки зрения, оценки происходив-

шего совпадали, чаще — нет. Но более всего мне обидно то, что я не уговорил Леню собрать материалы всех опросов, привести их первую, опубликованную интерпретацию, которую он давал в острые моменты политических событий, и подумать о новой их оценке. Не уговорил. А ведь это — ценнейший материал эпохи перестройки, это многомерное представление переживаний, мнений, надежд и разочарований населения Ленинграда-Петербурга. Возможно, что когда-либо кто-либо углубится в городскую прессу того времени, отыщет публикации Кесельмана и сделает по ним социальный портрет города. Но в любом случае, в том аналитическом материале не будет души и биографии Кесельмана.

В дни прощания с ним я написал небольшой некролог «Леонид Кесельман сделал многое. Будем помнить его» [2].

Будем...

1. Л.Е. Кесельман: «...Случайно у меня оказался блокнот «в клеточку...» (Интервью Б.З. Докторову) // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2005. №5. С. 2-13 <http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1202893312221433file.pdf>.

2. Алексеев А., Докторов Б. В поисках адресата. СПб, Foster City, 2012. Электронный продукт < [http://socioprognoz-ru.lgb.ru/files/File/2018/2012\(Alekseev-Dokt\).pdf](http://socioprognoz-ru.lgb.ru/files/File/2018/2012(Alekseev-Dokt).pdf)>.

3. Докторов Б. Леонид Кесельман сделал многое, будем помнить его <<http://www.cogita.ru/pamyat/in-memoriyam/l.-keselman.-abpozdnii-shestidesyatnikbb-potom-abprorok-perestroikibb-pervye-dvetryeti-zhizni>>.